

60 лет

МЫ ПОБЕДИЛИ

КАК НАЧАЛАСЬ ВОЙНА

С раннего утра 22 июня 1941 года в Ленинграде стояла удивительно теплая, тихая и солнечная погода. Красота, тишина и спокойствие. Если бы не самолеты. Тревожно ревя моторами, они беспокойно носились над городом. Но люди думали, что идут учения.

Единый экзамен

Мы, трое студентов пединститута имени Герцена, Леша Курчаев, Витя Ярошник и я, собрались на последний экзамен за третий курс по методике математики. Общественно, где мы находились, стояло во дворе института, идти недалеко. Вдур из черной тарелки репродуктора громко прозвучал голос диктора: «В двенадцать часов слушайте выступление Молотова». Трагическим голосом Молотов сообщил о начале войны. Слова Молотова поразили нас. Рухнуло все: надежды, планы, привычный образ жизни, повседневные заботы. Да и сама жизнь уже более не принадлежала нам. То, чего мы больше всего опасались, стало завшей действительностью. Но мы твердо верим: враг будет истреблен и скоро разбит. Не видя ничего под ногами, мы поднимались на третий этаж учебного корпуса. В длинном коридоре находилось человек двадцать студентов. Я громко, на весь коридор прокричал: «Товарищи! Началась война с Германией!»

Мы вошли в аудиторию, где шел экзамен по методике математики. Пожилой, высокий, худощавый и очень строгий доцент Кругиус никак не отреагировал на наше сообщение о войне. «Берите билеты», — спокойно, буднично сказал он. Экзамены мы все трое сдали на «отлично».

Хотим на фронт!

И вот война. Мы, студенты физмата, решили идти в Куйбышевский районкомбат. Но тут появился рабочий военкомата, который объявил, что все студенты института должны

идти делать эскадры по бокам траншеи, чтобы не сыскался песок. Девушек поставили на рытье противотангового рва. Норма в двадцать бронея оказалась очень трудной. В первый день до темноты никто ее не выполнил. Работать пришлось по двенадцать часов. Уставши мы немощно, но со временем втянулись и стали выполнять норму засветло. Все бы ничего, да сильно одолевали комары и мошки. Никуда от них не денешься. Но где же обещанный фронт? Мы стали требовать у полковника, руководившего работами, отправки на фронт. А после поездки двоих студентов в Ленинград за мылом и их сообщения о том, что по городу пройти невозможно; каждый встречный возмущается, почему здоровые парни не на фронте, мы пригрозили полковнику забастовкой, если не отправит нас на фронт. И все же нам пришлось проработать почти месяц, пока не выполнили всю работу.

Один раз на нас сбросил бомбу прометавший немецкий самолет. Странно было, но никто не пострадал. Двадцать третьего июня мы уехали в Ленинград и на другой день по прибытию пошли в военкомат. Наши товарищи оказались в пехотном училище, а мы — в третьем артиллерийском. Когда нас отвели в баню, мы помидки и переоделись в курсантскую форму. После этого никак не могли узнать друг друга. Но вскоре без труда, даже со слезы, стали узнавать любого. По возвращении в училище нас поделали по взводам и батареям, показали спальни и повели строем в столовую. Обед нам поправился:

впервые в жизни обрел непромокаемую обувь.

Трудная подготовка

На следующий день поаный распорядок дня, с пяти утра и до отбоя в одиннадцать часов. Зарядка, пробежка по набережной Невы, завтрак и десять часов занятий с небольшим перерывом на обед, а вечером два часа самоподготовки. Дыхнуть некогда, надо за четыре месяца освоить трехходичную программу. На практических занятиях оружейный расчет в восемь человек должен, как игрушку, катать, разворачивать и приводить в боевое положение двенадцатипушечную пушку. Снаряд сорок три килограмма весит, а стальные сошки, что встают в концы станин, по сто килограммам. Да его, этот сошки, надо еще громадной кувалдой забить в землю. Не выспавшись, все тело белеет. Когда в четыре утра вошли строем в баню, мы научи-

лись, как бы не опоздать на фронт, а то без них и война закончится. Вскоре эти оломячские дивизии постигла горькая участь. Изматкули образовавшиеся на фронте прохле и без пользы погубили.

Полиработники тоже расказывали нам о положении на фронтах. В основном о том, какие города сдали немцам. Быстрое продвижения фашистов тревожило, возмущало и удивляло нас. Приученные к победным кинофильмам и песням, мы не могли понять, как случится, что немцы уже наделились на Москву.

... Уже в первые месяцы войны более миллиона наших воинов погибло, около одного миллиона, оставши тяжелое оружие, выбралось из окружений, а более трех миллионов попало в немецкий плен. Откуда нам тогда было знать, что именно нам придется в последующие годы в кровопролитных боях браться каждый год,

карабинами. И хотя нам напоминали известную солдатскую прычу о том, что раз в подстрелет и незаряженная винтовка, один курсант, сидя на нарах в товарном вагоне, во время чистки карабина случайно застрелил соседа. Это была первая смерть, которую мы увидели.

На станциях, как и в мирное время, продавали в бумажных кулечках северные ягоды: морошку, чернику, голубику. Нам это было в диковинку, и мы с удовольствием лакомились ягодами. Привезли нас под Кострому и разместили в казармах выехавшего на фронт запасаного полка. Распорядок дня сохраняли таким же напряженным, как и в Ленинграде. Брат прислал последнее письмо с марша к месту боя: идем громить фашистов! Это без оружия, но, как я узнаю по нему. Больше от него писем не было.

В течение сентября, октяб-

собраться на следующий день в восемь часов во дворе в пиджаках, с ложками, кружками и туалетными принадлежностями. Будут отправлять на фронт. Мы обрадовались. Утром нас повели строем на Финляндский вокзал, посадили в поезд и повели к Выборгу. Разместили в основном слева, в готовых шашаках. Покрыли из полевой кухни. Показали вырытую траншею и сказали: каждому лавино в течение дни свалить, очистить от ветвей и перезать на части двадцать сосен. Солдаты будут из этих бр-

лишь на ходу спать. Просыпаясь, когда устаете, вы в останоившиеся вперед идуцелю. В одно из воскресений меня отпустили съехать в институт за письмами. Брат писал из Подмоковья, что добровольно вступил в народное ополчение. Настроение бодрое, патриотическое, ждут отправки на фронт, хотя воевать еще не научились, да и оружия не было. Подгузки настраивала их, семнадцатилетних, на скоростное истощение ресурсов у врага, а там и побить фашистов будет нетрудно. Молодые ополченцы

каждый взгорок, без особого труда занятые фашистами в сорок первом.....Амуже в упорных занятиях промелькнула дня нас, курсантов училища, много. Училище эвакуировали в Кострому. Все имущество училища мы перевезли на Финляндский вокзал и погрузили в шезлоны. Третьего сентября нас северной дорогой в товарных вагонах повели в Кострому. Только миновали станцию Мга, как немцы заняли ее, и Ленинград оказался в блокаде. На дорогу, на всякий случай, нам раздали старые польские

ря и ноября мы упорно овладевали артиллерийской наукой. Пятого декабря нам присвоили звание лейтенантов, навести в петлицы по два кубика. Восьмого декабря отправили на фронт, а 20 отгличников, особенно физические крепких и политически благонадежных, оставши для отправки в Оренбург на курс летчиков-наблюдателей. После обучения мы должны будем с самолетов и воздушных шаров корректировать артиллерийский огонь по вражеским позициям. В первых числах января сорок вто-

МЫ ПОБЕДИЛИ

рого года мы оказались во Второй Чкаловской военной авиагруппе. В первую же ночь нас обокрали. Мы носили наших динирих, из паюсного сукна, артиллерийских шинелей повесили на вешалки просвечивающие, коротенькие шинельки с авиационными эмблемами. Так мы потом и ходили в тихий зим. В Чкалове занятия тоже проводились по паюсной трафику. Кроме парашюта стрельбы с самолета и навигации, замучила нас «морзянка». По шесть часов занимались ею, наточка вместо зарядки, до и после обеда и на ночь. Так в ушах и звенело «ти-та-ти-та-та-та», и кисти рук болели от работы на клавише.

Не прошло и месяца, приежает Ворошилов. Вместе с начальником училища они собрали нас, человек двести, из разных артиллерийских училищ, в зале, и маршал, одетый в солдатскую шинель, объявив нам: спускаем вас с небес на землю и возвращаем в полковую артиллерию. Все разом выпущенные летчики наблюдали

полбма, потому что у нас нет надежных и маневренных разведывательных самолетов, таких, как немецкая «рама». Не хотим более напрасно лудей терять.

И нас отравили в 25-й запасной артополк, который находился в Гороховецких лагерях под Горьким. Вот там мы поладили с полком, сразу такое тепло и холод. В землянках длиною в сотни метров и с двумя воротами на концах на двухэтажных нарах в два ряда размещалось по тысяче человек. У каждого широченного выхода стояло по пещурке из железной бочки. Печки раскалены докрасна. Утром, когда в пещурках темнело, вылезли печки, дымялись шинели и мерзли шинели, а в землянке замерзала вода. На двухэтажных, из голях горбылей, нарах, тнувшихся вдоль стен, постеле солома. Мы, человек пять, ложимся на эту, перебегую в пылу солому, на правый бок встали друг к другу и накрываемся пылью шинельми. Потом все по команде поворачи-

ваемся на другой бок. Так и вертятся, почти не засыпая, целую ночь.

Среди лейтенантов нашей группы оказался молодой московский артист. Он сразу вошел в контакт с латышскими офицантами, которые обслуживали шесть офицерских столовых. И мы вылетом умударились пойти за завтраком, пять раз обедать и быть голодными, потому что шестьсот граммов хлеба на день получали только в одной столовой, а в остальных хлебаки слегка замунтунную горючую жижу. Большеинтересно солдат и офицеров, обитавших в лагерях, рвали на фронт с единственной целью — поесть, досада. Некоторые солдаты не выдерживали такой жизни и, стоя ночью с винтовкой на посту, стрелялись.

В конце февраля нашу группу вызвали в Москву, в отряд кадров Московского Военного округа. Там нас распределили по воинским частям. Нас, трое лейтенантов, направили в Колому, в формирующуюся там 32-ю стрелковую дивизию.

Меня — на должность адьютанта командира 1028 артиллерийского полка. Солдат кормили очень скудно, офицеров не очень посылить, но все равно мы не наедались. И прикупить съестного было негде. Народ жид бедно. Поэтому, когда появлялась первая травка в поле, меня чуть не до смерти наугад мой солдат. Везу ввозом строем по полевой дороге на занятия, и вдруг они без всякой команды с моей стороны, как при бомбежке, внезапно бросились врассыпну и стали ползать по траве. Я испугался и не пойму, в чем дело. Оказалось, солдаты увидели на обочине дороги какую-то съедобную траву, и все разом бросились рвать и кушать ее. Все занятия мы проводили без материального обеспечения. Хорошо, что мне пришла в голову мысль: занять в колхозе четыре тележных перека и привязать к ним поперек поленца. Получались четырехручная батарея. Оглобли служили станциями, а в оружейном столам-поленям пристроили са-

модеальные «прицепады». Вся боевую подготовку расчетов я проводил на этих «орудиях».

Настоящие губачи мы получили в городе Данилове, куда нас перевезли перед самой отправки на фронт. На них мы потренировались два дня. А первые выстрелы сделали уже по немцам под Ржевом 26 июля сорок второго года. Эти выстрелы чуть не оказались для нас последними.

...Вот так для нас, ленинградских студентов, началось война. Многие из нас после войны не вернулись в стены родного института. Но ценно неизменных усилий, страданий, мислений, голода, страха и крови вместе со своим народом мы выстояли, остановили, а потом и разгромили проклятого врага — немецких фашистов.

Отрывки из книги выпускника П.А.Михина «Война, какой она была».

Материал и фотографии предоставлены Музеем РГГУ им.А.И.Герцена

личности вобралены

ПОЭТЫ ВОЙНЫ

Среди питомцев педагогического института имени А.И.Герцена было немало выпускников, пришедших на верность перу литератора и журналиста. Есть имена более известные, менее известные — в масштабах всей страны, конечно, а не в пределах областей и краев, где пишущие профессионалы буквально наперечет.

Вот скажем, профессор-востоковед А.М.Демин, большой знаток Индонезии, Юго-Восточной Азии, умелый популяризатор науки. Вот литературовед и критик А.Эльштейн. Они прошли дорогами войны, военный опыт у многих сформировал их как ученых, литераторов, но прямое, самое непосредственное отражение биографий, в том числе и военных, мы все-таки находим преимущественно у поэтов: Павла Шубина, Леонида Хаустова и Анатолия Чепурова. Если бы у герценцев не было больше в активе ни одного литератора, то творческой славы названных трех мастеров поэтического слова хватало бы вполне!

В коротком юбилейном материале нет смысла винить во всем биографическое повествование. Скажем одно со всей уверенностью: поединок на набережной Мойки все трое избрали не случайно, педагогическая и общеобразовательная, особенно полученная в стенах вуза подготовка, ими высоко ценилась, чувство гордости за то, что они герценовцы, их не покидало никогда.

Павла Шубина как самого старшего по возрасту я, конечно, не знаю, но по отношению к нему столько рассказывали и Хаустов, и Чепуров, что иногда кажется, что я знал лично и его. Заканчивший институт до войны, Шубин неожиданно быстро сам превратился из учителя в учителя, в поэтического наставника, сам стал вести литературные кружки и консультации при Дворце культуры Промкооперации (ныне — ДК имени Ленсовета), при редакции газеты «Смена», при «Стороне пионер», а впоследствии — до окончательного пе-

рехода в Москву — в родном институте.

Леонид Хаустов — выпускник незабываемого военно-блокадного досрочного выпуска зимы 1941 года. Он единственный, кто поведal о своем родном институте поэтическим пером: поэма «Опасная сторона», в первую очередь ее строфы, посвященные институтской библиотеке, Госкомиссии по приему выпускных экзаменов, стали подлинно классическими и неповторимыми.

Сколько мне приходилось читать строк воспоминаний о похожих ситуациях, например, о сдаче экзаменов в подвалах, при налете немецких бомбардировщиков, когда преподаватели и студент вынуждены были кричать, чтобы услышать друг друга, все эти факты были по-настоящему познавательны, но такого душевного отклика, как звучание слова Хаустова, не вызывали. Невольно думаешь (в который уже раз) о чудотворности поэтического голоса. Были у Хаустова и стихи об институте, но они по сравнению со строфами поэмы терялись.

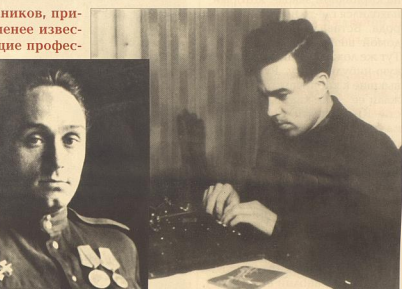
Анатолий Чепуров, до войны не успевший получить высшего образования, вступил в ряды учеников заочной школы, тем более, что уже у него, молодого офицера-фронтовика пошла творческая дика, немало времени и сил отнимала общественная работа в Ленинградском писательской организации (она тогда именовалась Ленинградским отделением Союза писателей СССР), да и тяжелое ранение дало о себе знать.

У него, конечно, контактов со студентами и преподавателями было меньше, но тем не менее самим духом герценцев он, как мне лично не раз

говорила, «напичкал на всю жизнь». Прежде всего это проявилось в жгучем пристальном интересе к детской литературе, которой он, став уже руководителем с к р е т а р а т а пралажины, уделял неизменно особое внимание и, я бы сказала, относился к ней душевно.

Мне, как его помощнику, не раз приходилось участвовать в подготовке сообщений, докладов, обобщений материалов не только о детской литературе, но и о педагогике, о делах школьных в целом, и я всегда чувствовала искреннее волнение своего старшего товарища: мир детства был ему дорог и близок, хотя собственно педагогом и даже литературным наставником он не стал. В отклики от Шубина и Хаустова кружок не вел, индивидуальной постоянной работы с начинающими авторами не проводил, но как критик виню его, тем более, что он сам и в большой радости давал дорогу тем из начинающих, кто был ему особенно близок. Помните, с каким творческим подъемом он писал предисловие к первому сборнику стихов поэта-рабочего Анатолия Белова, к коллективному сборнику юных художников и поэтов «Первые строки, первые этюды», который мне посчастливилось готовить в Ленинграде.

А вот Хаустову довелось (правда, немного) и на чисто учительской ниве потрудиться:

На фото: Павел Шубин (слева), Леонид Хаустов (справа).

после тяжелого ранения на Ленинградском фронте он получил право дольничества в родном селе Новотроицком Кировской области, куда были эвакуированы ленинградские школьники, почти все уже сироты. Юный офицер и педагог был для нас и учителем, и вожатим, и просто старшим братом. Недаром, вернувшись в еще блокадный Ленинград (с огромным трудом уприсл это сделать начальником разного рода), он приступил к работе в Райкомитете именно в детском отделе и тут же организовал лит-кружок при Дворце пионеров.

Среди его учеников тех лет — Юрий Воронов и Олег Шестинский. Оба они говорили мне о несомненном педагогическом даре своего Леонида Ивановича, о том, что остались благодарными ему на всю жизнь за школу, за выучку, за уроки любви к литературе, за постижение мастерства.

Об этих трех поэтах-фронтовиках-герценовцах я не раз писал как критик. Хаустов и Чепуров стали моими героями

в документальном телефильме «Сорок первый наш год привал...» (фильм, по инициативе режиссера В.Ф.Окунина, был назван этой строкой Чепурова). А сейчас в радиодиагнле «Память сердца» на каждом из трех я поведал в больших радиодиагнлерецах в составе программы «Город и горожане», которую ведет Елена Воробьева.

Рассказывая и о других героях нашего цикла, мы неизменно обращаем внимание на их образование, воспитание, в их литературную учебу. Были среди них и подлинные самоучки: например, Павел Булавин стал профессиональным журналистом и поэтом, имея за плечами лишь девятилетку домашнего образования? Но, во-первых, тогда отличо учило (было кому учить), а во-вторых, Булавин — на все-таки исключением из общего правила. Все остальные закончили вуз, а то и не один! И все же наши три герценюшка стоят в особом ряду — так много дал им педузу на набережной реки Мойки!

Николай СОТНИКОВ